

СТАТЬЯ "ТЕРМИН" П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Павел Александрович Флоренский /1882--1943/ проявил свои выдающиеся дарования в самых различных областях человеческого знания и культуры. Он оставил после себя труды по математике, физике, электротехнике, энергетике, философии, богословию, искусствоведению, фольклористике, лингвистике и др. Многие исследования П.А. Флоренского опубликованы лишь частично, либо не опубликованы совсем. Статья "Термин" была предназначена автором в качестве одной из глав капитального обобщающего труда "У водоразделов мысли", оставшегося неизданным. Она следовала в качестве четвертой главы вслед за статьей "Антиномии языка" /в настоящее время печатается в "Studia Slavica" в Будапеште/. За "Термином" в свою очередь предполагалась автором глава "Строение слова" /см. "Контекст -- 1972". М., 1973/. Эти три взаимосвязанные статьи в определенной мере позволяют говорить о философии языка П.А. Флоренского.

Проблема термина рассматривается Флоренским на фоне общей антиномичности языка, которая состоит в сосуществовании внутри него двух противоречивых начал: "творческого, индивидуального, своеобразного" и "монументального, общественного, общего". Преувеличение личностного начала в языке ведет к зауми, упор на общественное начало приводит к условности и "произволу языкодателя". Сущность антиномичности языка в том, что эта противоречивость не только неустраиваема, но жизненно необходима ему, ее устранение как в пользу первого, так и в пользу второго начала означает смерть языка. Именно борьба "импрессионизма и монументализма", стремящаяся к "подвижному равновесию" делает возможной саму жизнь языков. Не монизм, а напряженность антиномии характеризует истинную культуру языка.

Второй срез антиномичности слова состоит в том, что оно "связшееся в комок предложение", в то время как предложение -- это "распустившееся свободно слово".

Третий срез антиномичности слова состоит в противоречии между именем и именуемым, имманентным внешним выражением и укорененном в трансцендентном внутреннем содержании. Эта же антиномия выражается Флоренским в сопоставлении магичности и мистичности слова. Здесь Флоренский истолковывает слово в плане онтологического символизма. Слово как символ -- не условное наименование предмета, а способ обнаружения внутреннего и в то же время способ "вживания в именуемое". В процессе этого вживания человек соприкасается с сущностью данного предмета или явления, слово становится как бы мостом в трансцендентное. Нарушение этой антиномии слова разрушает язык, выходящая его иррациональный остаток, его внутреннюю поэзию, на которую опираются все виды словесного творчества, а в философии неизбежно обуславливают выводы агностицистского и антиинтуитивистского типа.

Из такого онтологического подхода к языку Флоренского естественно вытекает и его интерпретация термина -- "синтетического слова". Как и всякое слово, термин -- антиномичен. Вместе с тем антиномия первого типа приобретает в нем свою специфику. С одной стороны, он является свободным плодом "творческих усилий мысли", концентрирующим в себе все новые оттенки мысли, чтобы "приобрести новую силу и новую свободу", с другой -- он граница самопознания мысли, остановка, рубеж, вершина на пути познания. Терминотворчество является "зигдущей и скрепляющей силой" в истории развития идей. "Подвижная неподвижность" -- основная антиномия термина, дающая ему право на существование и долгую жизнь в языке.

Знакомясь с философией языка Флоренского, нельзя не

обратить внимания на то, что Флоренский предвосхитил проблемы, поставленные, например, представителями лингвистической философии! лишь в конце 30-х годов или Хайдеггером в 40-х годах, а в некоторых случаях и дал ответы на них. Когда Хайдеггер пишет о том, что не мы говорим языком, а скорее язык говорит нами, говорит людям и лядми, то, как следствие первой антиномии языка Флоренского, возникает важная коррективa: и мы говорим языком, и язык говорит нами -- в этом суть его антиномичной жизни. Вторая же антиномия языка вызывает предположение, что интерпретация текста должна сопровождаться интерпретацией слова. Это мы обнаруживаем во многих не только посвященных языку, но и философских, богословских, искусствоведческих работах самого Флоренского. При этом его внимание к интерпретации этимологии слова имело две важных особенности: во-первых, этимология понималась не во временно-генетическом плане, а в плане "внутренней жизни" слова; во-вторых, этимология служила Флоренскому, по его собственным словам, не аргументом в выяснении истины, а лишь "своеобразным символом" истины. Так Флоренский избегал и пренебрежения к интерпретации слова, предв^дряющей или сопровождающей интерпретацию текста, и преувеличения роли анализа слова, языка, к чему иногда были склонны Хайдеггер или Гадамер в своей "игровой" концепции языка. Антиномичность слова третьего типа тоже проецируется на герменевтику. Ее учет заставляет говорить о правомерности двух казалось бы взаимоисключающих точек зрения, представленных в герменевтике именами Бетти и Гадамера. Требование Бетти "перемещения в чужую субъективность" вытекает как из первой, так и из из третьей антиномии слова Флоренского. В первом случае текст анализируется как порождение определенной среды и вместе с тем конкретной личности во всем многообразии их взаимосвязей, во втором --

анализ текста направлен на "внутреннее соприкосновение с предметом слова", на приобщение к духовному бытию, породившему текст через углубленное интуитивное постижение слова. В этом случае интерпретирующий текст становится относительно самостоятельным и вместе с интерпретируемым часто становится объектом новой интерпретации. Антиномичность языка позволяет согласовать с этой точкой зрения положение Гадамера о "предварительном понимании", заданном традицией, лежащим в основе всякого познания и как бы сводящем на нет оживление в себе исторического прошлого, актуализацию субъективного начала в интерпретации текста, требуемую Бетти. Идеальная интерпретация текста, при учете антиномий языка Флоренского, будет одновременно и актуализацией личностного начала исследователя и реализацией предпонимания; жизнеспособность интерпретации будет определяться напряженностью антиномии личностного и традиционного.

Развитие идей Флоренского, их приложение к некоторым новым областям знания позволяет по-другому взглянуть на многие решенные или только кажущиеся таковыми проблемы философии языка, лингвистики, философской герменевтики, семиотики и др. Публикация работ Флоренского имеет поэтому не только историко-философскую и, шире, - историко-культурную - направленность, но в неменьшей мере и дискуссионную, предполагающую актуализацию его идей.

В. Лепяхин

+ + + .

Рукопись публикуется по авторскому машинописному оригиналу 1922 года с учетом подготовительных материалов из архива семьи Флоренских. К тексту Флоренский сделал примечания и ссылки на литературу /как правило, неполные/. По этим отрывочным указаниям были уточнены выходные данные

изданий, которыми пользовался Флоренский, приведены необходимые цитаты из этих книг или из их позднейших переизданий. Там, где Флоренский ставил квадратные скобки, в данной публикации поставлены косые скобки. Квадратные скобки и текст в них принадлежит составителям примечаний данной публикации. Рукопись подготовлена к печати С.М. Половинкиным, А.С. Трубачевым и С.З. Трубачевым. Примечания В.В. Бибихина и С.М. Половинкина.

Статье предпослан отрывок из лекции Флоренского на ту же тему, прочитанной 15 сентября 1917 года студентам МДА.

Редакция благодарит А.С. Трубачева за любезное предоставление рукописи и помощь в издании.

+ + +

П.А. Флоренский. Спецкурс "Из истории философской терминологии". Термин.

/Отрывок/

1. Научная речь -- выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. Суть науки -- в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин -- это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука -- система терминов. Поэтому, жизнь терминов -- и есть история науки, все равно какой, естествознания ли, юриспруденции или математики. Изучить историю науки это значит изучить историю терминологии, т.е. историю овладения умом предлагающего ему предмета знания. Не ищите в науке ничего кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки, как таковой сводится именно к терминам в их связях, которые /связи/ первично даются определениями терминов. Мы с вами

займемся некоторыми вопросами из истории философской терминологии. Это заглавие нашего курса даст нам возможность свободно беседовать о самых различных вопросах философии и, по желанию, отклоняться в сторону.

Вас может быть смущает постановка вопроса: неужели история всякой науки сводится к истории слов? Неужели все споры науки суть "споры о словах"? Да, да и да. Но только под спором о словах надо разуме́ть именно то, о чем мы говорим, именно вопрос точной и удачной терминологии, а не спор о терминах равноудачных или равнонеудачных, каковой спор именно и называется спором о словах.